

*Елена
Бучковская*

«ЧУКОККАЛА»
И ОКОЛО

ozon.ru

Накануне 1-го апреля 1979 года, того дня, когда Корнею Ивановичу исполнилось бы 97 лет в издательстве «Искусство» вышла, наконец, «Чукоккала». В переделкинском доме Чуковского, где в этот день собираются его близкие и друзья и устраиваются выставки документов его архива, на столе стояли четыре экземпляра «Чукоккалы» в яркожелтой суперобложке.

Это было странно, в это не верилось, казалось, что этого не может быть.

Издание альманаха тянулось пятнадцать лет, рукопись была сдана в издательство весной 1966 года. С тех пор судьба альманаха обростала легендами, слухами, и я чувствую потребность оглянуться назад, вспомнить что и как было на самом деле.

Начало пути

Начну издаю. В 1964-м году я решила перепечатать «Чукоккалу» на машинке. Меня тревожило, что рукописный альманах существует в единственном экземпляре, что он не сфотографирован (за исключением рисунков Репина и Маяковского) и не переписан. Работа тянулась долго, печатая, я спрашивала Корнея Ивановича о тех или иных непонятных, неразборчивых записях, он помогал разгадывать невнятные для меня подписи участников, рассказывал историю текстов и рисунков. Рассказы эти были очень хороши. Тогда уже появились магнитофоны, и я хотела записать, как Корней Иванович говорит о «Чукоккале». Однако, когда было назначено время записи и я приехала со своим громоздким магнитофоном, оказалось, что К.И. за ночь написал текст, который и прочел по написанному. Это был первый вариант будущего предисловия к изданию альманаха.

Тогда же были сделаны первые непрофессиональные фотографии многих страниц альманаха и кроме того я составила подробный именной указатель, потому что иначе мне трудно было найти нужную запись: альманах очень хаотичен. Корней Иванович дорожил своей «Чукоккалой», всегда хранил ее в своем кабинете, показывал только из своих рук. Указатель он невзлюбил и не воспользовался им ни разу. Он легко ориентировался в хаосе своего альманаха безо всяких указателей. Несмотря на это моя работа его радовала, ему вообще нравилось, когда окружавшие его люди втягивались в водоворот его многообразных, непрерывных дел.

Летом 1965 года издательство «Искусство» затеяло выпустить альманах и вскоре началась его подготовка к печати.

В октябре 1965 года К.И. подарил альманах мне. Дарственную надпись он наклеил на форзац.²

В декабре К.И. привлек к работе Н.А.Белинкову, которая должна была собирать в библиотеках нужные для комментария справки и разыскивать фотографии участников альманаха. Наталья Александровна отыскала редкие фотографии Олейникова и Собинова, со справками дело шло хуже и через несколько месяцев ее участие в работе вообще прекратилось.³

Может возникнуть вопрос: почему, комментируя свой альманах, Чуковский написал, например, о Сологубе целую статью, а о Ходасевиче — ни единого слова. В какой мере это соответствует его отношению к названным поэтам, его интересу к ним.

Для того, чтобы ответить на вопросы такого рода надо сделать небольшое отступление о характере Корнея Ивановича. За семьдесят лет своей литературной деятельности он привык работать исключительно для печати. В стол для себя он писал только Дневник. Поэтому чукоккальский комментарий отражает не столько то, что мог и хотел сказать о своем альманахе Чуковский, но — то, что он считал возможным напечатать. Будущее показало, что и при этом ограничении, он сильно переоценил такие возможности. Этот комментарий неразрывно связан с литературным климатом 1966 года — того времени, когда альманах готовился к печати. Сологуб был в это время «забытым писателем» и Чуковский хотел привлечь к нему внимание. Мандельштам был уже реабилитирован, но последняя книга его стихов вышла в 1928 году. Поэтому в своем комментарии Чуковский так много цитирует Мандельштама, рассказывает о его ранних книгах. Тут та же цель — не столько прокомментировать чукоккальский автограф, сколько громко напомнить о Мандельштаме.

Самоцензура, вернее ясное понимание что «не напечатают» привели к тому, что многие драгоценные и любимые страницы «Чукоккалы» Чуковский вообще не включил в подготавливаемое издание, а, значит, и не написал к ним комментария.

И, наконец, он намеренно не сдал в печать множества своих собственных стихов, рисунков, буримэ, шуток, которыми изобилует альманах.

После всех этих оговорок понятно, что издание «Чукоккалы» было задумано ее владельцем, как первый шаг, отнюдь не исчерпывающий тему.

День с Ираклием Андронниковым

Предисловие к альманаху обещал написать Ираклий Андронников.

Он жил в Переделкино неподалеку от Корнея Ивановича, они часто виделись и очень дружили. Ираклий Луарсабович хотел помочь движению альманаха к читателю. Он дал согласие издательству «Искусство» написать такое предисловие. Время подачи этого предисловия в издательство наступило, а потом и прошло, а предисловия всё не было. Наконец Ираклий Луарсабович позвонил, что всё готово и можно зайти. И я отправилась на дачу Андронниковых.

Однако оказалось, что злополучного предисловия так и нет. Ираклий Луарсабович при мне пододвинул к себе рукопись и стал читать ее разными голосами. Он на глазах превращался то в Пастернака, то в Тынянова, то в Маршака, и я ужасно жалела, что этот поразительный спектакль «звучащей Чукоккалы» не видит никто, кроме меня. Спектакль продолжался несколько часов, а когда была перевернута последняя страница рукописи, Андронников попросил зайти за предисловием дня через два.

Действительно, через два дня предисловие было готово. Оно называется «Корней Иванович и его "Чукоккала"» и открывает первое издание альманаха. Приведу здесь некоторые выдержки из этого вступления к альманаху:

«...Сорок лет знал я Корнея Ивановича... Вчерашний день не уходил от него в прошлое. Все, кого встречал он, — словно всегда оставались возле него. Ясность и яркость памяти — ассоциативной, зрительной, слуховой — были у него поразительны. Умение запомнить в человеке самое интересное казались нам просто чудом. То, что у нас всех улетучивается из памяти в ту же минуту, Корней Иванович видел и слышал долгие годы. Он умел остановить мгновение, возвратить время. И в этом ему помогала «Чукоккала» — еще одно создание его таланта, памятник небывалый в истории русской литературы. Других таких нет! Более полувека назад, а точнее — летом 1914 года, живя рядом с Репиным на даче под Петербургом, в Чукоккале, Корней Иванович завел тетрадь для автографов. Ей было дано шутовское прозвище. Кто только не брал в руки «Чукоккалу»! Кто не рисовал в ней, не писал в ней шуток, стихов! Тут великолепнейшие рисунки Ильи Репина, выполненные с помощью чернил и окурка, шаржи, рисованные Владимиром Маяковским, стихи Блока, экспромты и записи Горького, Леонида Андреева, Бунина, Куприна, Алексея Толстого... Тут Римский-Корсаков, Лядов, Шаляпин, Герберт Уэллс, Конан Дойль. Тут Луначарский, художник Юрий Анненков, Добужинский, Александр Бенуа, Петров-Водкин, Григорьев, Фешин... Тут вся литература и все ее связи от Кони и Аркадия Аверченко до Берестова и Дудина — Шкловский, Мейерхольд, Собинов, Зощенко, Маршак, Ахматова, Паустовский, Пастернак, Паоло Яшвили, Бабель, Катаев, Тихонов, Михаил Кольцов, Алигер, Щипачев, Каверин, Евгений Шварц, Казакевич... Такого количества выдающихся авторов не имел ни один журнал в мире! Читаешь эти шутовские строки с восхищением. Необыкновенная культура стиха! Великолепнейшее искусство экспромта, который и возникнуть-то может только в таком альбоме, блещет в нем всеми красками, а напечатанный в «полных собраниях» — отдельно — тускнеет, теряя без контекста свою остроту. Тут записи вяжутся между собой, одна шутка порождает другую. Поэты и художники соревнуются. Слышны интонации разговора и смех. Великие мастера не смотрят на вас с пьедесталов, а шутят за чайным столом, в кабинете, в редакциях — всюду, где слышится звонкий голос Корнея Ивановича, предлагающего своим собеседникам чистый листок, который он потом вклеит в «Чукоккалу».

Это стихи и рисунки, которые никогда не явились бы свету, если бы их не вызвал к жизни Чуковский. Здесь все рисовано, вписано в светлые минуты, в присутствии Корнея Ивановича — умно, жизнерадостно, тонко!

Вы скажете, что для прошлого века, и особенно для русского общества, характерна высокая культура альбома — коллекций посвящений в стихах или просто автографов известных людей. Скажете, что на альбомных страницах возникли такие шедевры Пушкина, как «Черноокая Россети в самовластной красоте...», или лермонтовский экспромт «Любил и я в былые годы...», вписанный в альбом Софьи Карамзиной...

Все верно! У «Чукоккалы» были неплохие предшественники. Но Корней Иванович не только продолжил традицию. Он превратил альбом в соревнование талантов. И

отличительная особенность «Чукоккалы» не только в том, кто писал, но и кому писали. И вот личность самого составителя, его талант литературный и человеческий, его выдающееся положение в литературе XX века в сочетании с этим множеством великолепных имен — авторов и художников, создававших «Чукоккалу», — делают ее уникальной. Решительно альбомов других, подобных «Чукоккале», нет! Столь богатых по именам и по множеству дарований альбомов, таких необыкновенно разнообразных, иллюстрированных, долголетних — шутка сказать, полстолетия, — нет, таких просто не существует!

Наконец-то Корней Иванович решает ее издать. Но...

Кроме великих людей, которых все знают, тут люди, чьи имена уже не вызовут сегодня никаких представлений. Притом это записи, возникавшие каждый раз по случайному поводу, сделанные в разное время. Как много говорит каждая самому Корнею Ивановичу, как интересно это специалисту! Но чтоб было понятно всем, Чуковский пересматривает «Чукоккалу» и приписывает к каждой шутке, экспромту, рисунку великолепные пояснения. Как бы перелистывая вместе с вами страницы, заполнявшиеся пятьдесят с лишним лет, он ведет вас сквозь литературу двадцатого века, рассказывая о друзьях и знакомых. Получается необыкновенный рассказ, и весьма неожиданный. Веселый, остроумный, шутливый, он оказывается бесконечно богатым и очень серьезным по содержанию, очень значительным. Смотришь — диву даешься! Ведь это же биография Корнея Ивановича, да какая еще! Писанная друзьями.

Это история каждого знакомства, каждой дружбы его.

Это и биография времени.

Это история жизни литературной! те черты, каких не найдешь ни в собраниях сочинений, ни в письмах. Но именно по ним можно судить о литературной атмосфере, окружавшей Корнея Ивановича, об отношениях литераторов, художников между собой, об их творческих связях, о характере каждого...

Что же это такое? Альбом?

Да, альбом.

Или история?

Конечно, история.

Автобиография Корнея Ивановича?

Вне сомнений.

Может быть, мемуары?

И мемуары.

Здесь все. И в этом тоже неопределимая прелесть «Чукоккалы»: она не похожа ни на одну книгу. И совершенно неповторима. Это просто великое дело, которое, начавшись с шутки, превратилось в творение, полное ума и таланта. И снова тут проявилась удивительная черта Корнея Ивановича: в «Чукоккале» — все

современники. Даже и те, что принадлежат к разным эпохам и никогда друг друга не видели. Корней Иванович всех спаял, всех сдружил потому, что это его друзья, его жизнь — настоящее и прошлое вместе. И книга получилась увлекательная, блестящая, как Корней Иванович сам, как весь его необыкновенный, богатырский талант — новаторский, светлый, не похожий ни на кого в целом мире!»

Первые тучи

В Переделкино частенько наезжали издательские редакторы: Юрий Максимилианович Овсянников и Софья Анатольевна Николаева. Бывал и Евгений Евгеньевич Смирнов — художник, автор макета и Инна Георгиевна Румянцева — художественный редактор «Чукоккалы».

Сам тип издания, макет будущей книги складывался с трудом. Не было аналогий, не было предшественников. В редакции шли споры — давать ли факсимильные листы из альманаха, а потом в конце книги пояснения к ним или объединять записи и рисунки по темам, по авторам, по сюжетам. В конце концов книга оказалась построена так же, как обычно строил свои рассказы о ней Корней Иванович, показывая альманах своим друзьям. Он никогда не отделял автографа от своего рассказа про обстоятельства, вызвавшие его к жизни.

Свой комментарий Чуковский написал легко и быстро. Новые большие статьи о Сологубе, Гумилеве, Мандельштаме и небольшие эссе об Евреинове, Юрии Анненкове, Замятине, Добычине были написаны за несколько месяцев.

Замысел художника нравился Корнею Ивановичу: формат будущей книги — такой же, как формат рукописного альманаха. Видное место в книге должны были занять факсимильно воспроизведенные страницы «Чукоккалы» — их было около ста восьмидесяти.

В тех случаях, когда страница альманаха дана не полностью — автограф был уменьшен и помещен в полосе набора.

Сотрудники издательства говорили, что такой полиграфически-сложной книги вообще не встречалось в их практике.

Но вот, наконец, настал день, когда Евгений Евгеньевич привез в Переделкино окончательный макет книги. Корней Иванович был очень доволен работой художника. Спустя некоторое время была сделана и суперобложка, которая тоже понравилась Корнею Ивановичу. А форзац он придумал сам — предложил составить его из портретов участников альманаха.

К 1967-му году работа художника была почти закончена, а Корней Иванович дописал свой комментарий. Полным ходом шли трудные многочасовые съемки страниц альманаха. Эти съемки делал Юрий Павлович Семенов. Снимали в Первой Образцовой типографии на каких-то громоздких аппаратах. Кроме листов из «Чукоккалы» переснимали также множество фотографий, афиш, писем — разных материалов из архива, которые К.И. собирался тоже включить в будущую книгу. В зависимости от сохранности документов их надо было кропотливо ретушировать — одним словом и тут работы было много.

Пока шли эти съемки над изданием начали собираться первые тучи. Дело в том, что наиболее интересные страницы альманаха связаны с двадцатыми годами — Домом Искусств, Всемирной Литературой. Многие из тех, кто писал на этих страницах впоследствии оказались в эмиграции. Можно назвать, например, Юрия Анненкова, Алексея Ремизова, Евгения Замятина, Владислава Ходасевича, Георгия Иванова и других.

Подготавливая к печати свой альманах, К.И. возобновил переписку с Юрием Анненковым и прочел опубликованные на Западе обширные воспоминания Ирины Одоевцевой, Ходасевича, Ник.Оцупа, и Юрия Анненкова об этом времени. Воспоминания Одоевцевой и Анненкова появились в середине шестидесятых годов, как раз когда писался чукоккальский комментарий. Воспоминания Анненкова навлекли на него гнев какого-то высокого идеологического начальства и, видимо, было дано распоряжение не упоминать в печати его имени. С воспоминаниями Одоевцевой вышло еще хуже. В своей книге «На берегах Невы» она утверждала, что Гумилев был участником антисоветского заговора.

«На вопрос: был ли Гумилев в заговоре или он стал жертвой ни на чем не основанного доноса, отвечаю уверенно: Гумилев бесспорно участвовал в заговоре», — пишет Одоевцева. Далее она рассказывает: «Он стоит во главе ячейки и раздает их [деньги] членам своей ячейки». И еще описывает Одоевцева, как Гумилев ищет у себя в книгах затерявшийся «очень важный документ... черновик кронштадской прокламации» (И.Одоевцева. На берегах Невы. Изд. В.П.Камкина, 1967, с.430–438).

Похоже на то, что с выходом книги Одоевцевой были наконец получены «доказательства вины» Гумилева, которых не было раньше⁴. Так или иначе, после расстрела Гумилева был издан сборник его стихотворений (Пг.: Мысль, 1922), а теперь, в середине шестидесятых годов, после выхода книги Одоевцевой имя Гумилева стали настойчиво вычеркивать из всех статей о русской поэзии начала века. Не могло быть и речи о публикации его стихов или статьи ему посвященной.

А между тем, Корней Иванович не только включил в подготовляемое издание несколько чукоккальских автографов Гумилева, но и написал об этих автографах обширный комментарий и ввел в этот комментарий свои воспоминания о Гумилеве. Получилась большая статья. К началу 1968 года стало очевидным, что эта статья о Гумилеве и его автографы в альманахе не будут пропущены в печать. Издательство явно опасалось и за рисунки Ю.Анненкова, которых было много в книге.

Корней Иванович отдавал себе полный отчет в том, что дела складываются весьма неблагоприятно, но не сделал никаких попыток ускорить движение рукописи. Сейчас мне известны некоторые его дневниковые записи этого времени: «30 октября 1967. ...знаю, что глаза мои уже не увидят... напечатанной "Чукоккалы"»; «31 марта 1968. ... И так, у меня в плане 1968 г. три книги, которые задержаны цензурой: — "Чукоккала", "Вавилонская башня", "Высокое искусство"»; «17 сентября 1968. С моими книгами худо... «Чукоккалу» задержали».

К этому же времени относится знаменательная открытка Корнея Ивановича — ответ читателю, который спрашивал, когда выйдет «Чукоккала» и как ее купить. В марте 1968 года К.И. ответил своему корреспонденту: «Издательство... так загромождено

очередной работой, что трудиться над “Чукоккалой” ему приходится лишь урывками. При таких темпах “Чукоккала” выйдет лишь в 1979 году — до которого я едва ли доживу. Как видите все обстоит благополучно»⁵.

Та точность, с которой К.И. отодвинул дату выхода книги на 11 лет («Чукоккала» действительно вышла именно в 1979 году) показывает, как мало у него было иллюзий на этот счет.

В дни своей предсмертной болезни, в больнице, Корней Иванович не раз вспоминал о своем альманахе и сетовал, что так и не дожид до его выхода в свет.

«Чукоккала» и бюрократы

После кончины Чуковского (28 октября 1969 года) книга некоторое время продолжала двигаться по инерции. В издательство из типографии поступали рулоны оттисков — факсимильных листов альманаха. Два раза меня приглашали в редакцию, чтобы сообщить, что надо убрать из книги автографы Пильняка, или Гумилева, или Паперного, попавшего в это время в немилость. А в июне 1971 года мне дали гранки «Чукоккалы». Пока я держала корректуру до меня всё время доходили слухи, что гранки эти пошлют на утверждение в какие-то инстанции. Привожу выборочно записи из своего делового дневника, по которым легко судить о дальнейшем движении книги:

«28 августа 1971. “Чукоккалу” сдали в Комитет по печати. С.А.⁶ говорит, что это очень плохо. Может зря я суетилась.

28 декабря 1971. С “Чукоккалой” беды, заморозили в Комитете по печати. Атаров звонил Иванько****, тот его отшил.

3 июня 1972. Ходила к Севастьянову.⁷ Увертливо-вежливый, бесполезный разговор.

14 ноября 1972. Севастьянов не принял меня и Атарова по поводу “Чукоккалы”».

Три месяца спустя, так и не добившись ничего в издательстве я пошла в Комитет по печати и передала письмо на имя председателя Комитета Бориса Ивановича Стукалина. Это пространное письмо о мытарствах книги кончалось так: «Я обращаюсь к Вам потому, что издание “Чукоккалы” в издательстве “Искусство” вступило в полосу непонятной и необъяснимой проволоочки (набор был осуществлен в мае 1971 года, т.е. более двух лет назад).... Очень прошу Вас лично или через своих помощников вмешаться в судьбу “Чукоккалы” и устранить препятствия к ее изданию».

Мое письмо не было передано Стукалину. Его перепасовали тому самому Иванько, у которого уже почти два года валялся макет книги. Начались мои телефонные звонки к нему и его отговорки. Иванько сперва утверждал, что вообще не видел никакого макета, и только мои ссылки на его разговор с Атаровым заставили Иванько переменить пластинку и объявить мне, что издавать книгу нельзя, так как в типографии, где она лежала, обвалился потолок и повреждены все пленки. Я попросила сообщить мне, что же уцелело? Через две недели Иванько сказал мне, что треснул потолок и пролились какие-то химикалии.

В своем письме к В.Н.Войновичу по поводу Иванько (про это письмо будет рассказано ниже), я писала об этих телефонных разговорах:

«Сообщение насчет потолка сразило меня наповал. Вы только подумайте: знаменитые участники альманаха, редакторы, фотографы, художники, граверы, ретушеры, годы труда большого коллектива — всё погребено под штукатуркой...

Что за странная типография, — думала я. Наверно это какой-нибудь жалкий подвал, где полусгнившие балки подпирают треснувшие потолки и сквозь эти трещины каплют разные химикалии. Ужасно, что "Чукоккала" попала в такое место. Но как же издательству "Искусство" удавалось уберечь остальные свои издания от всех этих стихийных бедствий? Пытливая мысль вела меня всё дальше и в один прекрасный день привела к воротам типографии "Красный пролетарий" — я постепенно разузнала, что именно там печаталась "Чукоккала".

Те, кто когда-нибудь перешагивал эти ворота, помнят стальную конструкцию этажей, пролеты лестниц, простор огромных цехов».

А теперь снова цитирую свой деловой дневник:

"13 июня 1973. Была в типографии. У них всё абсолютно цело и сохранно. Таким образом все разговоры Иванько просто наглая ложь. В душе я была в этом уверена и всё же удивилась. Как теперь быть? Кому жаловаться? В издательстве мне сообщили, что с завтрашнего дня приступает новый директор — Константин Михайлович Долгов (из "Коммуниста")".

Вернувшись из типографии, я решила, двигаясь по ступеням иерархической лестницы, жаловаться на действия Комитета в ЦК и обратилась с письмом к секретарю ЦК КПСС П.Н.Демичеву: «Я прошу Вас помочь мне в выяснении и устранении причин, задерживающих выход в свет альманаха Корнея Чуковского "Чукоккала", — писала я. Рассказав затем о маневрах Комитета я заканчивала письмо так: «Сегодня я спокойно и ответственно могу утверждать, что не технические трудности препятствуют выходу "Чукоккалы". Книга совершенно готова к изданию... При всем богатстве нашей культуры, издание, включающее рисунки Репина и Маяковского, автографы Горького, и многих других замечательных авторов, как мне кажется, заслуживает более бережного отношения».

Через несколько дней я попала в тяжелую автомобильную аварию и на некоторое время отошла от дел.

В начале сентября мне позвонил по поручению П.Н.Демичева его референт — Козловский. Мне было сказано, что решено «Чукоккалу» издавать, мое письмо поддержал И.Андроников.

17 октября 1973 года (через четыре года после смерти Корнея Ивановича) меня принял новый директор издательства «Искусство» К.М.Долгов и обещал издать «Чукоккалу» в 1974–75 году. Так завершился первый тур битвы за книжку.

Здесь я должна сделать небольшое отступление. У читателя может возникнуть вопрос — а стоила ли игра свеч? Надо ли было обивать столько порогов, ходить,

просить, писать, жаловаться? Часто мне приходилось слышать по этому поводу от друзей: давно пора издать «Чукоккалу» за границей в неизменном виде. Были и практические предложения на этот счет. Я, однако, думала иначе. Я рассуждала так: К.И. остался в России, хотя многие из его литературных друзей и знакомых эмигрировали. Все свои книги он издал здесь, мне известны случаи, когда он запрещал заграничные издания, считая свои сказки и многие книги непереводаемыми. «Чукоккала» особенно трудна для перевода, так как все эти записи и рисунки вне исторического контекста, да еще в переводе совершенно обесцветятся. Поэтому издавать за границей можно только по-русски, только в интересах сохранности альманаха, только для узкого круга специалистов-славистов. Осуществить такое издание технически очень трудно, а никаких шансов принять участие в его подготовке у меня нет. Поэтому, пока остаётся хоть тень надежды издать хоть часть альманаха в России, я не должна отступать.

Реанимация

Между тем, после моего письма к Демичеву, рукопись «Чукоккалы» в издательстве снова пришла в движение. В конце 1973 года был назначен новый редактор — Валентин Иванович Маликов. Он внимательно изучил всё дело, сверил тексты с автографами, сделал множество важных текстологических замечаний, заставил меня заново проверить все цитаты, ссылки и проч. В декабре 1973 года была закончена подготовка рукописи для нового набора.

Но тут снова навалились «технические трудности». Типография отказалась делать новый набор со старых гранок и несчастную «Чукоккалу» вернули для перепечатки в издательство. Мне пришлось переносить все поправки с гранок на первоначальную рукопись и с этой исправленной рукописи «Чукоккалу» снова печатали на машинке в издательстве, снова вычитывали корректоры, а затем снова читали в дирекции, что-то сокращали, обсуждали в главной редакции, тянули время. Выяснилось, что послать рукопись в набор можно только вместе с плёнками факсимильных листов, и тут началась эпопея, о которой тоже надо сказать несколько слов.

Начальство почему-то постановило передать заказ из типографии «Красный пролетарий», где находились все офсетные пленки, в Первую Образцовую типографию, которая должна была выпустить книгу. Между тем плёнки лежали в «Красном пролетарии» уже пять лет. Они в полном беспорядке загромождали шкафы в гравёрном цехе и типография потребовала с издательства большой штраф за их длительное хранение. Сохранность плёнок тоже внушала тревогу: во первых, их качество по мере лежания ухудшалось, во-вторых, неясно было всё ли уцелело, так как в свое время Комитет по печати распорядился не хранить этих материалов. Часть плёнок находилась в издательстве и являла собой свалку каких-то фотографий, завернутых в какие-то бумажки, никак не надписанные. Мне пришлось затратить недели на то, чтобы разложить по порядку пленки в издательстве. Затем меня на месяц командировали на «Красный пролетарий», где я отдирала пленки «Чукоккалы» от больших монтажных листов, разбирала шкафы в гравёрном цехе и, наконец, сложила все имеющиеся негативы, диапозитивы, растровые плёнки в строгом порядке, с надписями и номерами, составила опись того, что есть и того,

чего недостаёт и, вместе с этой описью, передала объемистую папку пленок для хранения в сейфе начальника цеха. Однако это еще не было окончанием дела, потому что издательство и типография никак не могли сговориться насчет размеров штрафа за длительное хранение пленок в типографии. Кроме того в Первую Образцовую типографию надо было передать полный комплект всех плёнок, а для этого нужно было сделать досъемку недостающих сюжетов. Издательство опасалось, что типография откажется принять старые пленки и «досъемка» может превратиться в съемку заново сотен факсимильных записей и рисунков.

Тем временем, новый директор сделал старый жест — рукопись «Чукоккалы» снова отослали в Комитет по печати. И я снова звонила туда, на этот раз Туркину, который занимал теперь место Иванько. И снова Туркин уклонялся, просил позвонить через две недели — и так тянулось еще два года, в течение которых и Туркин и Долгов в конце концов ушли со своих постов, а злополучная «Чукоккала» так и не была отправлена в печать.

В августе 1975 года я побывала на приеме у нового (уже третьего!) директора издательства «Искусство» — Бориса Владимировича Вишнякова. Он был благожелателен, обещал книжку издать, спросил — «нельзя ли сократить эти мемуары, так как у издательства мало бумаги» и поинтересовался, утвержден ли список участников альманаха в ЦК? Из-за всего этого я поняла, что вся история начинается с самого начала, попросила позвонить мне, если возникнут деловые вопросы и ушла, оставив за директорскими дверями остатки своих надежд.

Шел десятый год попыток издания альманаха, и я не то чтобы устала, но изверилась в полезности хождений, просьб, объяснений, уговоров.

Осенью 1975 года мне дали прочесть рукопись «Иванькиады» В.Н.Войновича. Я не была знакома с автором, зато хорошо помнила его героя — Сергея Сергеевича Иванько. Кто-то рассказал Войновичу о кознях Иванько против «Чукоккалы» и на страницах «Иванькиады» Владимир Николаевич, хоть и с чужих слов, но с абсолютной точностью, лёгкой рукой художника передал самую суть, квинтэссенцию тех разговоров, которые мне приходилось вести, отстаивая книжку. Не могу удержаться, чтобы не процитировать «Иванькиаду»:

«...Как насчет «Чукоккалы»? Конечно же её следует издать. Всенепременно. И он [Иванько. — Е.Ч.] лично целиком за. Он прилагает все усилия, только этим и занимается. Он большой поклонник покойного классика. С детства помнит «Ехали медведи на велосипеде...» Да, Корней Иванович обладал крупным талантом. Его смерть — большая и невосполнимая утрата для детей и для взрослых. Да, безусловно, его литературное наследство имеет огромную ценность, и мы непременно опубликуем всё, что достойно. Но в данном случае произошла неожиданная неприятность. Произошло... (что бы такое придумать)... непредвиденное происшествие. В типографии книгу набрали, но... (ура, придумал) ...обвалился потолок. Вы представляете! Вот так они работают, наши хваленые строители. Потолок обвалился, все матрицы вдребезги. Конечно, можно снова набрать, но сами понимаете, у нас хозяйство плановое, опять набирать «Чукоккалу», значит остановить весь поток. Разумеется, мы к этой вещи вернёмся,

изыщем возможности, но на всё нужно время. Простите, телефон. Иванько слушает... да, да, хорошо, сейчас буду. Вот опять не дали поговорить, вызывает начальство. Позвоните мне... сейчас посмотрим, что у нас на календаре... нет, на этой неделе никак не получится, на следующей... гм... гм... да, следующая тоже забита полностью... значит, примерно через две недели... Был очень рад! очень!»

Я была поражена психологической точностью этого рисунка. Вскоре я познакомилась с Войновичем и передала ему своё письмо о роли Иванько в истории с «Чукоккалой».

Этой же осенью я открыто, по телефону, начала переговоры с издательством Oxford University Press, относительно выпуска «Чукоккалы» в Англии. Английское издательство обратилось за разрешением в ВААП, но не получило никакого ответа. Так подступило 11 марта 1976 года — десятая годовщина со дня подписания договора с «Искусством» и сдачи рукописи в издательство. К этому моменту мое отношение к происходящему перешло в холодное бешенство. Я уже не опасалась испортить дело своей неуместной резкостью или необдуманном шагом. Напротив, в самый день этой годовщины я побывала в ВААПе, пытаюсь выяснить возможности издания альманаха в Англии. Среди тех, кому я звонила, оказался Н.П.Карцов — начальник Управления по вопросам художественной литературы. Вдруг я услышал на другом конце провода голос весьма сочувственный. Карцов сказал мне, что помнит Корнея Ивановича, бывал у него, видел у него «Чукоккалу» и постарается мне помочь. Он подтвердил, что письмо из Оксфорда они получили и готовят ответ.

Через две недели мне неожиданно позвонил директор издательства «Искусство». Он вчера занялся вопросом о «Чукоккале», книга будет издана в конце этого года, сейчас он снова её читает... Я не сказала ничего, кроме: благодарю Вас за это известие. Про себя отметила — всё же письменно мне ни разу не ответили, то есть никакой гарантии нет. Однако похоже было на то, что где-то что-то решили, и дело может быть сдвинется с мели.

Через несколько дней В.Н.Войнович сообщил мне, что моё письмо к нему о судьбе альманаха опубликовано в виде приложения к его «Иванькиаде», изданной в Америке издательством «Ардис»⁸.

Так начинался одиннадцатый год издательской эпопеи.

Однако, прошло еще около года прежде, чем я записала в своем деловом дневнике:

«11 ноября 1976. Исторический день. Днём звонили из «Искусства», «Чукоккала» передана в Первую Образцовую типографию для набора (!) Во мне затеплилась надежда, хотя боюсь дать ей разгореться, да и одолевают мысли о тех сокращениях, которые уже сделаны. Жалко их. И боюсь, что книжка без этих опорных точек будет слабовата. Но с другой стороны всё же основной корпус будет напечатан».

В феврале 1977 года были получены новые гранки «Чукоккалы». Второй набор был осуществлен через шесть лет после первого. Итак — шестилетняя отсрочка, потеря времени, затоптанный впустую труд десятков людей, большие денежные средства, пущенные на ветер — вот далеко неполный перечень достижений С.С.Иванько и ему подобных. Впереди же — кропотливый труд над гранками, макетом и версткой

книги — будни, заполненные реальным делом, а не пустыми разговорами с чиновниками. После всей бессмысленной многолетней волокиты я воспринимала эти, часто весьма нелегкие будни, как радостные праздники.

В конце июня 1977 года у меня побывал издатель из Оксфорда — м-р Ричард Ньюнбам (Richard Newnham). Он сказал, что издание в Англии получится очень дорогим, что оно — крайне сложно, а тираж у них будет экземпляров двести. Этот разговор ясно показал мне, что издание за границей таит в себе большие трудности, чем я полагала. В «Искусстве» между тем книга реально двигалась, застревая, впрочем, при каждом возможном случае. Книга не стояла в плане, и поэтому ее без конца передвигали, задвигали и отодвигали. Новые оттиски факсимильных листов альманаха получились намного хуже прежних. Сказались годы хранения пленки, её усадка, а также то, что печать перешла в другую типографию, а, значит, и в другие руки и снова надо было подбирать оттенки фона, менять размеры оттисков и т.д. и т.п. Опускаю здесь детали тех трудностей, какие пришлось преодолевать людям, осуществлявшим издание. Об этих людях я расскажу отдельно — им посвящена глава «Обыкновенное чудо».

Снова привожу запись из своего «делового дневника»:

«16 марта 1979. В 3 часа позвонила Розочка⁹, что есть сигнал «Чукоккалы». Я тотчас помчалась. Лежит на столе толстая, нарядная, нахальная книжка. В комнате сидел Женя¹⁰, смотрел книгу. Говорил, каким был молодым, когда делал макет 15 лет назад. Бессмысленно восклицали. По-моему всё прекрасно, со вкусом и без ошибок... Потом пришла Инна¹¹, мы обнялись и тоже ликовали, листали, вспоминали... Разное вспоминали... Тираж стоит 25 тысяч. А 1-я Образцовая типография, оказывается, имени А.А.Жданова. Этим именем и кончается книга.

Очень странное чувство ее отчуждения из дома, из шкафа, со стола».

Обыкновенное чудо

Представьте себе, что автор сдал книжку в издательство в 1905 году, а она вышла через пятнадцать лет — в 1920-м, сдал в 1953-м — а она вышла в 1968-м. 15 лет в XX веке! когда время мчится, открывая за каждым поворотом что-нибудь в корне меняющее жизнь — то крах самодержавия, то водородную бомбу, то кибернетику и электронику. Каждое из названных и неназванных обстоятельств меняет лицо земли, лица людей, воздух времени. 15 лет! В наш век — это целая эпоха. В 1965-м году одна, а в 1979-м — совсем, совсем другая.

Итак, издание «Чукоккалы» было начато летом 1965 года. Это было время, когда еще не все иллюзии после хрущевской «оттепели» испарились. Знаменитый писатель Корней Чуковский, Лауреат Ленинской премии и любимец советской детворы жил в своем переделкинском доме, окруженный уважением, почетом и многочисленной семьей. Корнею Ивановичу было уже 83 года, но он был бодр, здоров и работоспособен.

Однако время шло, и исподволь всё вокруг менялось. Осенью 1965 года по приглашению К.И. на переделкинской даче гостил Солженицын после того, как был конфискован его архив и оставаться в Рязани стало опасным. С той осени и до самой

высылки на Запад в феврале 1974 года Александр Исаевич часто жила то в Переделкине, то на нашей московской квартире — иногда день, иногда неделю, а иногда и месяц.¹²

В мае 1966 года Лидия Корнеевна написала «письмо к Шолохову», которое было подхвачено самиздатом, а затем опубликовано за границей. Незадолго до этого в Париже вышла её повесть «Софья Петровна», написанная в 1939-40 годах. В последующие годы на Западе была напечатана еще одна её повесть «Спуск под воду» и некоторые публицистические статьи. Я отрывочно и конспективно называю обстоятельства, происходившие в непосредственной близости к Чуковскому, можно сказать в его доме.

Весь литературный климат неуклонно менялся. После «оттепели» явились первые заморозки, а там и морозы затрещали.

Через несколько дней после похорон К.И., 4 ноября 1969 года Солженицын был исключен из Союза писателей. А 9 января 1974 года та же участь постигла и Лидию Корнеевну.

Участь самого Чуковского оказалась странной — он попал в число «репрессированных посмертно». Постепенно мне прояснилось, что невозможно переиздать ни одну из его книг для взрослых: ни «Чехова», ни «От 2 до 5», ни «Современники», ни «Живой как жизнь». Только детские сказки избежали этой опалы. Иногда мне передавали, что в ответ на просьбу о музее, об издании, о мемориальной доске, те «кому ведать надлежит» отвечали прямо: «он помогал Солженицыну и поэтому — нет». Приходилось мне слышать такие слова и своими ушами.¹³

В этой обстановке крепчающего мороза, когда нельзя было в 22-й раз издать выходящую 21 раз книжку «От 2 до 5», публикация новой книги Чуковского, да еще столь необычной, как «Чукоккала», казалась абсолютно недостижимой. Прямо так и заявила мне одна руководящая дама, когда я сказала ей, что прекращаю передачу государству архива Чуковского вплоть до выхода «Чукоккалы».

— Но вы же понимаете, что «Чукоккала» никогда не выйдет.

Но я старалась не видеть очевидных вещей. Сейчас, оглядываясь назад, я ищу объяснений, почему же вопреки всем бюрократическим рогаткам книга всё же вышла.

Меньше всего повинны в этом мои хождения по инстанциям и разные петиции, которые я писала.

Наверное, была какая-то закулисная и неведомая мне сторона у этой борьбы. В каких-то загадочных коридорах за какими-то высокими дверями кто-то не то помог, не то проморгал. Мне об этом ничего не известно.

Напишу, однако, о том, что мне известно.

Всё — и хорошее, и плохое — реализуется в мире, приходит в мир, как результат человеческих усилий. Я здесь много писала о тех усилиях, которые приложило

начальство, чтобы помешать выходу «Чукоккалы» — сброшенный набор, проволочки, ложь, запреты... Как легко всё это перечислить, процитировать, обличить.

Как трудно написать о «положительных» героях этой истории, среди которых по всем правилам соц.реализма мы находим и старого мастера-рабочего, и благородных тружеников, тихо, но неуклонно делающих своё дело, и чудаковатых самоотверженных интеллигентов-идеалистов.

Начну со старого мастера-гравера — Владимира Алексеевича Баландина, который неприветливо сказал мне, когда я первый раз явилась в типографию «Красный пролетарий»: «Я здесь каждую буковку два года наводил, такой сложный материал. Когда пришел из Комитета по печати приказ "всё выбросить", я не мог. Вот все плёнки тут в цехе и храню».

А технический редактор «Чукоккалы» Роза Петровна Бачек. Для того чтобы описать её роль нужны кантаты и оды, боюсь, перо мое будет бессильно. Сколько своих отпусков отдала Роза Петровна «Чукоккале», сколько вечеров после работы просидела в издательстве, сколько раз тащила к себе домой тяжелые папки, чтобы в выходные дни проверить какие-то размеры, выключки и втяжки, сосчитать какие-то пункты. Сколько месяцев просидела она не разгибаясь в своём подвальчике (тогда еще на Цветном бульваре, в старом здании издательства), колдуя над макетом.

Для того чтобы воспеть труд Инны Георгиевны Румянцевой — художественного редактора «Чукоккалы» тоже необходимы и кантаты и оды. Инна Георгиевна, с энергией, которую она постоянно излучала, с редким терпением собственноручно накалывала весь макет, обсуждая и переделывая каждый разворот по много раз. Она обладала колоссальным производственно-издательским опытом и умело лавировала среди всяческих издательских рифов, проявляя в делах бездну выдумки, находчивости, изобретательности и вкуса.

Редактор книги — Валентин Иванович Маликов держался несколько загадочно. На мои нервные вопросы, почему книги нет в плане, он отвечал, попыхивая трубкой, что чего в плане нет, то и вычеркнуть из плана трудно. Мол, чем меньше шума, тем лучше. Не всегда мне были понятны его ходы, но мне было ясно, что это — человек большой профессиональной квалификации. Валентин Иванович тщательно работал с текстами, добился высокого уровня издания книги, которая выходила после смерти автора, отстаивал книжку в разных инстанциях и, по крайней мере, от себя не вносил никакой дополнительной дерготни и редакторского своеволия.

Евгений Евгеньевич Смирнов, художник книги, завершил свою работу еще в 1967-м году. Как я уже писала, найденное им художественное решение — макет, форзац, суперобложка — всё это встретило горячее одобрение Корнея Ивановича. Увы, в последующее десятилетие много хлопот доставил Евгению Евгеньевичу форзац, на котором ему приходилось многократно убирать и заменять портреты участников альманаха — Ходасевича на Исаковского и т.п. Деятельность эта нагоняла на него грусть, он устал от этих переделок и без больших надежд смотрел на перспективу издания книжки.

У меня было достаточно недель, месяцев и лет, чтобы присмотреться ко всем этим людям. Некоторые из них — как И.Румянцева и Е.Смирнов успели поработать над книгой еще вместе с Корнеем Ивановичем, другие включились в работу уже после его кончины. Но для всех них издание «Чукоккалы» стало их делом, частью их жизни.

И всё же у меня нет чувства, что я назвала словами всё, что помогло выходу книги. Был еще какой-то неуловимый воздух — пар, эфир, который состоял из мельчайших капелек симпатии к имени Корнея Ивановича и его злосчастному альманаху. Все, кто сталкивался с судьбой «Чукоккалы» (за исключением бюрократов), сочувствовали этому изданию и хотели ему помочь. Все они, то ли сами, то ли своим детям читали «Айболита» или «Бармалея», все они понимали с разной степенью глубины, но с полной отчётливостью, что нелепо чинить препоны изданию автографов Репина, Маяковского, Блока и Пастернака, и все они помогали изданию реальными, иногда большими, иногда малыми усилиями. Частицы этого трудноуловимого и почти неназываемого сочувствия, капельки этого пара своим непрерывным давлением продвигали издание альманаха, проталкивали его в какие-то даже невидимые глазу щели и поры. Сочувствие это проявлялось на самых разных уровнях и даже в международном масштабе.

Нельзя тут не упомянуть с благодарностью тех весьма плодотворных усилий, которые приложил оксфордский университет, чтобы помочь выпустить «Чукоккалу» в Англии, если не удастся издать её в России. Письмо из Oxford University Press, подписанное мистером John'ом Stawardy, и несколько телефонных звонков из Оксфорда показали нашему руководству, что, говоря словами Василия Гроссмана, «удушить в подворотне» это издание не удастся. Душить придется под прожекторами и у всех на виду. Путь этот для нашего начальства, разумеется, тоже возможен, но не всегда желателен.

Вот я и попыталась бегло перечислить разных людей, которые в разное время помогали выходу книги. Сейчас я совершенно уверена — усилиями всех этих названных и неназванных лиц — всех тех, кто реально работал над изданием «Чукоккалы», хлопотал о ней, берёг её, защищал от начальства, она и была опубликована. Именно эти люди и совершили «обыкновенное чудо» — выпустили в свет «Чукоккалу» в 1979-м, весьма неблагоприятном для чудес году.

Пльиви «Чукоккала» по свету

Не успела я отликовать по поводу сигнала «Чукоккалы», как снова поползли тревожные слухи: Комитет по печати взбешен этой книгой, А.М.Сахаров, сменивший Иванько и Туркина на посту в Комитете, написал какую-то гневную докладную, что книга неуместна, несвоевременна и не созвучна... Стукалин публично заявил на коллегии Госкомиздата, что издательство готовило книгу самовольно, без разрешения, обманым путем.

Хотя с книгой опять было неладно, я совершенно не волновалась: я считала, что раз К.И. написал в открытке, которую я уже цитировала на этих страницах, что «Чукоккала» выйдет в 1979-м году, то она и выйдет в этом году. Ведь за одиннадцать лет предсказал.

И действительно, 30 марта 1979 года «Книжное обозрение» № 13 на странице 13 сообщило о выходе в свет издания:

Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. Предисл. И.Андроникова.

М.: Искусство, 1979, 447 с. с ил. 25 000 экз. 6 р.

Книга вышла точно к 1-му апреля — ко дню рождения Корнея Ивановича. И именно в 1979 году, как он и предсказал в своей открытке 11 лет назад. Но на этом еще не кончились странные, почти мистические совпадения.

Вечером того дня, когда я привезла из издательства экземпляры тиража «Чукоккалы», у нас в квартире обрушился потолок. Пачки с книгами не пострадали, но весь пол был усыпан глыбами штукатурки. Их, эти глыбы, можно было принять за прощальный привет от Иванько.

На выход «Чукоккалы» первым отозвался З.С.Паперный. В шуточных стихах он писал об издательских мытарствах:

Являюсь членом ССП я

И на лит.поприще тружусь.

Но тут такая эпопея,

Что я за ручку не возьмусь.

Гомер, слепой сказитель Трои,

Писатель просто первый класс,

И он, увидевши такое

Сказал бы тихо: Братцы, пас...

Да что Гомер! А взять Толстого —

Узнав, что том не сдан в печать,

Великий был бы так взволнован,

Что только б охал бестолково:

Мол, дескать, не могу молчать.

.....

Плыви ж «Чукоккала» по свету

Как стих и проза, смех и гимн...

Директор Искусства Б.В.Вишняков, по слухам, получил выговор. У издательства потребовали объяснений — кто разрешил печатание, и редакция писала какие-то развернутые докладные на этот счет. Мне рассказали, что нагорело даже Книжному обозрению, которое упомянуло «Чукоккалу» в списке вышедших книг.

Изо всего этого я поняла, что никаких статей в нашей прессе не будет. И действительно, когда один из критиков предложил такую статью в «Советскую культуру» редактор ответил: Стукалин возмущен этой книгой, там полно эмигрантов, например Гумилев (?!) и т.п.

Сейчас, когда я пишу эти строки, со времени выхода «Чукоккалы» прошел уже год, однако она так ни разу и не упомянута в нашей печати. На международной книжной выставке-ярмарке в Москве Сахаров (Госкомиздат) запретил её экспонировать и на стенде издательства «Искусство» ее не было. Однако ВААП вёл переговоры с зарубежными издателями. Издатели проявляли интерес, знакомились с книгой и отступали перед трудностями издания. Я их вполне понимаю.

«Чукоккала» и цензура

После выхода книги мне часто задавали вопрос — а что же не вошло в издание? С какой полнотой изданная «Чукоккала» отвечает содержанию рукописного альманаха и замыслам Чуковского.

Я уже писала на предыдущих страницах (и напишу ниже) о самоцензуре, которая с самого начала ограничивала Корнея Ивановича, о том, что рукопись альманаха, представленная в издательство, была поэтому неполной и заранее обедненной.

В этой главе я попробую рассказать о тех купюрах, потерях и брешах, которые возникли за годы маринования рукописи в издательстве и в разных инстанциях. Как это обычно бывает, порча книги была многослойной, многоступенчатой и многообразной.

Из предисловия К.И. были вычеркнуты упоминания В.Ходасевича и А.Солженицына, а из альманаха исключены их автографы. Эссе Чуковского о Мандельштаме оборвано на середине. Не опубликована та часть этого эссе, где К.И. рассказывает о Мандельштаме 30-х годов и цитирует его стихи, написанные в Воронеже. Изъят из книги рисунок Владимира Маяковского, нарисовавшего портрет восьмилетней дочери Чуковского Лиды. Но она всё же протиснулась в книжку и красуется на с. 200 в центре фотографии, сделанной на юбилее Горького во «Всемирной Литературе», — по правую руку от юбиляра. Однако из пояснений к фотографии убраны слова: «школьница с бантом — Лида Чуковская». Поэтому Лидия Корнеевна присутствует в книге инкогнито, контрабандой.

Горьковские записи в «Чукоккале» пострадали довольно сильно. Не воспроизведена та страница альманаха, которую Горький назвал «Анекдотики». Первый из этих «анекдотиков» кончался словами «не глупый был парень, хотя и русский». Фраза эта не понравилась директору издательства Е.И.Севастьянову, и он ее вычеркнул. Исключена из альманаха и редкая гравюра Боброва, подаренная Горьким, и история этой гравюры, записанная в альманах Алексеем Максимовичем. Неполно представлены не только автографы самого Горького, но и те записи, которые позволяют судить об отношении к нему его сотрудников по «Всемирной Литературе», его современников. Снята пародия на «Песню о Буревестнике», написанная А.д'Актилем в 1928 году.

Как мне кажется, самые значительные страницы «Чукоккалы» связаны с именем А.Блока и его участием в альманахе. Две записи Блока К.И. не включил в издание сам, шуточный протокол Блока «Закрытие Дома Искусств» был снят одним из директоров издательства К.М.Долговым. Он же изънял афишу «О порядке сожжения трупов в Петроградском государственном Крематориуме», которую К.И. сорвал со стены в марте 1921 года. Об этой афише Блок пишет в своем последнем чукоккальском стихотворении.

Не попали на страницы издания рисунки, стихотворения, записи Н.Гумилева и обширная статья Чуковского о Гумилеве.

Из книги исключено большинство автографов Евг.Замятина, его фотография и эссе о нем, написанное Корнеем Ивановичем.

Убран также автограф Анны Ахматовой — стихотворение «Чем хуже этот век...»

Поэт М.Кузмин исчез со страниц издания без видимых причин. Просто из-за того, что на той странице альманаха, где речь шла о его юбилее в «Доме Искусств» несколько слов начертал и крамольный Н.Гумилев. Снято шуточное стихотворение «Умеревший офицер», подписанное именами трех поэтов — Н.Гумилева, О.Мандельштама и Георгия Иванова. Изъята также поэма Ирины Одоевцевой «Толченное стекло», лист подписей участников «Открытия Дома Искусств» (за то, что среди подписавшихся — Н.Гумилев).¹⁴

Подавляющее большинство цензурных брешей относится к эпохе двадцатых годов. Уже с начала тридцатых — писатели перестали необдуманно шутить даже в рукописном альманахе. Времена наступили суровые, тональность записей и самый звук смеха совершенно изменились. Самоцензура опередила на долгие годы устремления самой жестокой цензуры. Вероятно поэтому из записей последних лет цензура выкинула очень немного. Снята концовка «Стихов о Серапионовых братьях» Евгения Шварца, с упоминанием Г.Сафарова.¹⁵ Выкинута пародия В.Ардова «Бдительность младенца», высмеивающая шпиономанию. Разумеется, убран Солженицын, сняты все упоминания имени Лидии Чуковской, изъято шуточное четверостишие Н.Коржавина из-за отъезда автора в эмиграцию.

Через некоторое время после того, как в цензуру поступил сверстаный макет книги, мне было сообщено, что следует дописать о Мережковском, Ходасевиче, Замятине и Гумилеве, что они занимались антисоветской деятельностью. Разумеется, я не согласилась, сказав, что мне ничего на этот счет неизвестно. Тогда было предложено снять из книги автографы этих писателей, а заодно и автограф Анны Ахматовой. В готовой, сверстанной книге образовалось одиннадцать дыр — иногда лист, иногда полстраницы. Для того чтобы ничего не двигать в макете, на эти пустые полосы я предложила поставить те чукоккальские автографы, которые по разным техническим причинам убрали из книги за годы подготовки. И только один раз мне не удалось найти выхода — в случае с фотографией «Всемирной Литературы», когда Главлит потребовал убрать из группы изображение Е.И.Замятина. Как легко видеть по этим заметкам, я шла на многие уступки, снимая по требованию инстанций те или иные тексты. И предел себе я поставила такой: не выпустить в печать фальсифицированных документов, ничего не стравливать на

страницах. В случае запретов — либо снимать весь лист целиком, либо уменьшать размер автографа, давать фрагмент, чтобы читатель видел, что это лишь часть целого. Но с фотографией «Всемирной Литературы» выдержать этот принцип не удалось. Я первым делом рванулась убрать ее совсем. Но это потребовало бы переверстки половины книги (два месяца работы). Я писала в своем деловом дневнике: «...Нечем заменить целый разворот, придется отрезать Замятина. Малодушно утешаюсь тем, что еще кто-нибудь чего-нибудь потребует и при следующей переверстке я выну эту фотографию. Но это так — «запасной душевный выход». На самом деле «Чукоккала» выйдет без Гумилева, Замятина, с сокращенным Горьким, Блоком, Маяковским. Уж я не говорю об Анне Ганзен или д'Актиле. Мне кажется, что все, кто связан с этой работой, вымотаны и как-то внутренне оскорблены».

После выхода в свет альманаха я подсчитала, что в результате всех сокращений, о которых идет речь в этой главе, из книги изъяты 41 иллюстрация (листы рукописного альманаха) и около 20 страниц комментария Чуковского. Большая часть этих потерь касается 20-х годов.

Разумеется ущерб, нанесенный изданию, исчисляется не в цифрах, а в искажении исторической перспективы.

«Чукоккала» и самоцензура¹⁶

Во время одной из переделкинских прогулок Лев Кассиль рассказывал Корнею Ивановичу о поговорах, переделанных на современный лад. Мне запомнилось: «Слово не воробей, поймает — вылетишь». Такое отношение к слову все более укоренялось по мере того, как люди получали тюремные сроки за рассказанный анекдот или за неосторожное суждение.

В этой главе следовало бы искать ответа на вопрос, чего не написали в альманахе его участники из-за такого вот новейшего отношения к слову. Задача эта, однако, слишком трудна.

После закрытия в 1924 году «Всемирной Литературы» тон записей заметно меняется. Начинаются осторожные оговорки, опасливые примечания. А.д'Актиль под своим стихотворением «Муза по назначению» приписывает «Фельетон для себя». А Виктор Шкловский в 1932 году прямо пишет под текстом, украшенным его подписью: « Это не я... не Виктор Шкловский и почерк не мой». Писать стало невозможно. Наступило оледенение, ледниковый период. И только во времена хрущевской оттепели, в конце 50-х годов, на страницах альманаха снова стали появляться редкие эпиграммы и шутки.

Говоря о самоцензуре, перечислю те чукоккальские записи разных лет, которые Корней Иванович сам не включил в издание по цензурным или иным соображениям. Так, не были сданы в редакцию стихотворения Зинаиды Гиппиус, юношеские стихи Владимира Набокова (Сирина), две записи Александра Блока, стихотворение А.Амфитеатрова, Н.Лернера, А.д'Актиля.

Не включил Чуковский и многие свои шуточные стихи, буриме, рисунки, записи «Новых слов», газетные вырезки, которые он клеивал в альманах.

Как видно из этого перечня причины тут были разные — и политические, и этические, и личные. Диапазон этих причин — от невозможности опубликовать некоторые тексты своих знаменитых современников по цензурным соображениям, до нежелания печатать на страницах альманаха слишком много своих собственных стихов, очень велик. Да и перечень получился немаленький.

«1979-м годом история литературы не кончается...»

Пожалуй, терпение читателя уже истощилось. Я подробно, лист за листом перечислила, что выкидывала редакция, что дирекция, что цензура, а что сам Корней Иванович. И если у читателя этих строк нет под рукой вышедшей книги, то у него обязательно возникнет вопрос — а что, собственно, в книге осталось. Да и осталось ли вообще что-нибудь?

На этот случай всё же скажу, что в книге опубликованы все чукоккальские рисунки Репина, почти все рисунки Маяковского, Юрия Анненкова, автографы Ремизова, Сологуба, Бунина, Ал.Толстого, Блока, Мандельштама, Волошина, Вячеслава Иванова, Георгия Иванова, Горького, Всеволода Иванова, Рисунки Радлова, Добужинского, Чехонина и даже Федора Шалапина.

К более позднему времени относятся стихи Юрия Тынянова, Евгения Шварца, Н.Олейникова, Д.Хармса.

Очень трудно в нескольких словах охарактеризовать содержание альманаха. Тут и стихи, и проза, и шаржи, и документы, и шуточные протоколы «Дома Искусств» или «Всемирной Литературы», и юбилеи, и съезды писателей. В «Чукоккале» запечатлелось время, сгустился воздух той эпохи, когда хаотично и случайно заполнялись её страницы.

А цензурные пробелы?

Горюя о них, я уговариваю себя тем, что «Чукоккала» — это альманах, т.е. книга по сути своей фрагментарная, что легче будет когда-нибудь в невообразимом и далеком будущем вставить недостающее в уже готовую книгу, нежели начинать всю работу с самого начала.

Недавно я наткнулась на такие строки Корнея Ивановича в письме к А.И.Солженицыну (17.8.63):

«А насчет урезок — берите пример с Николая Алексеевича Некрасова: он печатал свои стихи с любыми цензурными изъятиями, зная, что в собрании своих сочинений он реставрирует вычеркнутое. Ведь 1963-м годом история литературы не кончается».

Вот я и пытаюсь утешаться тем, что 1979-м годом история литературы не кончается.

А когда это сознание не утешает, я перечитываю письма о «Чукоккале», полученные мною и Лидией Корнеевной в 1979-м году, после выхода книги в свет:

«Всё в этой книге прекрасно — и рисунки, и словесные тексты; вся шуточная и серьезная “злоба дня” и комментарий К.И., который сумел даже то, что само по себе имело бы только преходящую ценность, превратить в факт неофициальной, я бы сказал интимной истории русского искусства нашего века». Мирослав Дрозда (Прага, профессор-славист)

« “Чукоккала” — книга совершенно единственная в своем роде, во всяком случае — у нас. Не говорю уже о значении самого альбома К.И. — зеркала целой эпохи культурной жизни страны, причем не официальной, формальной, а глубоко интимной... Увидеть этот альбом в печати — это явление абсолютно уникальное.

На Западе имеются такого рода факсимильные издания рисунков великих мастеров, как иллюстрации к каталогам музеев. У нас и этого почти нет. Но такое факсимильное воспроизведение изобразительных материалов вместе с литературными записями — это можно сравнить только с редчайшими изданиями рукописей Леонардо да Винчи или Микеланджело». М.Я. Варшавская (Ленинград, искусствовед, сотрудница Эрмитажа)

«Книга производит ошеломляющее впечатление. Ошеломляет в книге ее так сказать тотальная необычность. В ней необычно всё: жанр, содержание, оформление. Она опрокидывает все привычные читательские установки, любое ожидание: альбом репродукций? научное издание текстов? сборник юмора и сатиры? Не нужно быть профессиональным книговедом, чтобы оценить размер и качество небывалости этой книги: она просто уникальна.

Несмотря на все старания уменьшить её «отражательные» потенции, она «отражает» многое — временами не отраженное нигде, не отраженное никак — а в ней резко и внятно.

Здесь впервые сказано о причинах закрытия «Всемирной Литературы», впервые же сказано, что М.Пришвин — ученик В.В.Розанова, здесь упоминаем Ю.Оксман, здесь В.Катаев говорит о гибели Маяковского серьезнее, чем в нынешних своих сочинениях... а Ю.Тынянов объясняет себя и свое время. И т.д. Потрясающе сообщительная книга». М.С.Петровский (Киев, литературный критик)

«“Чукоккала” вызвала во мне какое-то симфоническое чувство. Моё поколение дышало воздухом этих десятилетий, вдыхало эманации этого искусства. Перелистывая и читая страницы этого поразительного свидетельства Времени, я вспоминаю один свой “заплыв” в Черном море. Было мне лет пятнадцать. против обыкновения я заплыла одна довольно далеко. Был полдень. Собираясь поворачивать назад, к берегу, я посмотрела вниз, в глубину и вдруг поняла, что подо мной бездна, что я на большой высоте ото дна морского. И мне почему-то представилось, что там потонувший мир, некая Атлантида. И мне стало жутко... Читая “Чукоккалу”, иной раз невольно смеешься, а иной раз зажмуриваешься от ужаса...А ведь какое это чудо — сама книга! какого ума, искусства, изобретательности, вкуса и редакторского мастерства она — выражение!» Н.М.Гнедина (Москва, переводчица).

Вот и подошел к концу мой рассказ о «Чукоккале». В этом рассказе я много цитировала — участников альманаха, его читателей, его создателя — Корнея Ивановича и... себя, свои записи о судьбе альманаха.

Снова цитирую отрывок из своего письма к В.Н.Войновичу:

«Когда мой Дед, Корней Чуковский, подарил мне в 1965 году свой альманах «Чукоккала», он сделал на её форзаце надпись, которая кончалась словами:

“...она (то есть я. — Е.Ч.) может делать с ним, с альманахом всё, что заблагорассудится ей”.

1Оригинал письма находится у адресата. Цитирую по копии, любезно предоставленной мне А.Солженицыным в начале 70-х годов.

И вот мне заблагорассудилось, застряла в голове такая шальная мысль — во что бы то ни стало опубликовать эту книгу на родине её замечательных участников и ее собирателя и создателя» (октябрь 1975 года).

Правильным ли было мое решение? Этого ли ждал от меня Корней Иванович? Простится ли мне моя уступчивость, которая привела ко многим весьма существенным брешам в книге? Будут ли когда-нибудь заполнены эти бреши? Кончается ли история «Чукоккалы» 1979-м годом?

Сейчас, сегодня, дописывая свой «мемуар», я не знаю ответов на эти вопросы.

Думаю, что прав был Борис Пастернак, писавший в 40-е годы совсем по другому поводу:

Грядущее на всё изменит взгляд,

И странностям на выдумки похожим,

Оглядываясь издали назад,

Когда-нибудь поверить мы не сможем...

Весна 1980

Post scriptum: Через двадцать восемь лет

В начале 1994 года частное издательство «Четыре искусства», связанное с фирмой «Маркон», предложило издать «Чукоккалу» по новому — в виде факсимильного альбома с приложением тома Пояснений. Ядро издательства составляли бывшие сотрудники «Искусства», помнившие эпопею с альманахом еще от 70-х годов.

Решено было прежде всего сканировать все страницы альманаха. На этом пути встретились две трудности.

Чтобы рассказать о первом препятствии, надо снова вернуться в 70–80-е годы.

После высылки из Москвы А.Солженицына — на Запад и А.Сахарова — на Восток, после исключения из Союза писателей Лидии Корнеевны и угроз со стороны КГБ автору этих строк, я считала опасным хранить у себя дома некоторые страницы альманаха. Я вырвала из факсимильного альбома три листа — две записи А.Блока и два стихотворения З.Гиппиус (см. с. 257–258, 265, 545–546 настоящего издания). Эти четыре крамольные записи я вложила в папку, где хранились также и письма ко мне от А.Солженицына. Сам альманах тоже был унесен из квартиры. Эти предосторожности были не лишними, так как проводились негласные обыски в отсутствие хозяев.

Середина восьмидесятых годов для меня была окрашена еще и бесконечным изматывающим судом в защиту переделкинского Дома Чуковского. Дом стихийно превратился в музей, однако подвергался травле со стороны Союза писателей.

Но вернусь к «Чукоккале». Последний раз я видела свою папку с четырьмя вырванными страницами в феврале 1985 года. Лица, её хранившие, по случаю очередных тревог и окрестных обысков, предложили мне немедленно взять у них эти бумаги. Я их взяла, принесла домой и сразу попросила свою приятельницу снова их унести и спрятать в надежном месте. По неписаным правилам конспирации мне самой не следовало бывать в том доме, где хранились мои архивы и даже знать этот адрес.. Папка была унесена и спрятана. Она унесла и спрятала. Неделю спустя я попала в больницу с переломом позвоночника и проболела около года. Тем временем началась перестройка, рухнули многие запреты, «грядущее» на глазах меняло взгляд на имена и обстоятельства еще вчера неупоминаемые. Шли годы.

В 1989 году В.Енишерлов, главный редактор журнала «Наше наследие», предложил напечатать в этом журнале неопубликованные страницы «Чукоккалы». Нужно было сфотографировать некоторые страницы, сам рукописный альманах уже снова был у меня на полке, я попросила приятельницу принести домой мою папку с недостающими листами. Но она ничего о ней не помнила, всё позабыла за это время. Я принялась объезжать все места хранения своего архива, перетряхивать все чемоданы и антресоли у моих хранителей — папка исчезла бесследно. Поиски заняли у меня почти полгода, очень трудно было примириться с такой потерей. Я говорила себе, что Корней Иванович сохранил эти бумаги сквозь террор тридцатых годов, войну, переезды, а я потеряла драгоценные записи А.Блока просто по невниманию. После многих напрасных поисков и метаний я поняла, что искать больше негде. Публикация блоковской записи в «Нашем наследии» была сделана по фотокопии.

Прошло еще лет пять, пока издательство «Четыре искусства» задумало свое факсимильное издание. Факсимильность издатели ставили во главу угла, и когда я заговорила о потерянных страницах, мне было сказано, что они не войдут в книгу. Это настолько меня опечалило, что я долго не могла взяться за подготовку предстоящего издания. Но вот, в середине октября 1994 года я заставила себя написать о пропаже в своем комментарии к одной из страниц «Чукоккалы».

Через несколько дней после того, как вся история была снова с грустью и самообвинениями мною припомнена и записана, мне позвонили с телевидения.

Незнакомый мужской голос сообщил, что говорит журналист из редакции НТВ — Алексей Ивлев. Это имя я слышала в передачах новостей НТВ. Ивлев спрашивал меня, будет ли Солженицын присутствовать на митинге у Соловецкого камня по случаю дня политзаключенного. Я довольно неприветливо ответила, что мне об этом ничего не известно. В конце разговора Ивлев вдруг сказал:

— Ко мне попала Ваша папка с письмами Солженицына, я ездил встречать его во Владивосток, хотел подойти и сказать ему об этом, но мне это не удалось из-за большого числа встречавших.

Я была очень взволнована этими словами, но побоялась поверить такой удаче и сказала, что когда выберется время, заеду и посмотрю, что за папка? Он оставил мне свой телефон. Дня через два я туда позвонила, сговорила с женой Ивлева — Наташей и поехала к ним домой в район ВДНХ.

Дальше цитирую свой деловой дневник: «30 октября 1994. Вчера ездила за своей папкой. Девочка Наташа лет двадцати и двое крошечных детей — полтора месяца и полтора года. Полина и Никита. Наташа рассказала, что её отец жил в этой квартире со своей женой (её мачехой). В 1987 году она уехала в США, а в 1989 году уехал и он, передав квартиру дочери. Дочь в 1990 году накануне свадьбы убирала квартиру, за книгами нашла папку, завернутую в газету... Очевидно хранители о ней просто забыли».

Когда Наташа передала мне мою папку, я сразу увидела, развернув ее, сверху — автографы Блока и Гиппиус из «Чукоккалы».

Круг замкнулся. Так выяснилось, что моя приятельница отдала эту папку своим друзьям — родителям Наташи, а потом позабыла, кому именно. И они забыли, переехав на другой конец света. И всё же, сквозь все прошедшие годы, беды и переезды Ивлевы постепенно разыскали меня (мы не были знакомы) и вернули мне бесценные рукописи в полной целостности и сохранности. Я так подробно пишу об этом детективном сюжете, чтобы выразить свою безмерную благодарность этим благородным людям.

Однако даже эта чудесная и почти невероятная находка не помогла сканированию злополучной «Чукоккалы» в «Четырех искусствах». У издательства всё не было средств на покупку сканера и мы работали с редактором — Михаилом Зиновьевичем Долинским на протяжении двух лет, не имея отпечатков для макета. Работали по оригиналу или по ксероксу.

Об этой работе я вспоминаю со смешанными чувствами. М.З.Долинский — тонкий знаток творчества В.Ходасевича и всей этой эпохи, страстный библиофил и горячий поклонник «Чукоккалы» сделал очень много для будущего издания. Он заставил меня сильно расширить примечания и указал ряд источников для этого. Он тщательно сверял тексты и вообще вкладывал в издание много времени, внимания, знаний, азарта. Но его замысел будущей книги все больше расходился с моим. Как мне казалось, книга утрачивала легкость, превращаясь иногда в тяжеловесный справочник. Разногласия были чисто стилистическими, но они становились для меня

всё более непреодолимыми. Мне не удавалось ни в чем, даже в мелочах, переубедить Долинского. Впрочем для меня тут и не было мелочей.

В 1997-м году издательство «Четыре искусства» распалось, но наша работа с М.З.Долинским продолжалась еще некоторое время. Многие из найденного и сделанного за годы нашей совместной работы вошло в настоящее издание.

Малая планета в Солнечной системе

Летом 1998 года, когда рукопись этой книги была уже в производстве, пришло известие, что в честь Чукоккалы названа малая планета, открытая советскими астрономами в 1979 году. Это – редкий случай, когда планета названа в честь книги.

В «Почетном свидетельстве» о присвоении названия малой планете № 3094 сказано: «отныне эта неотъемлемая частица Солнечной системы будет именоваться Chukokkala».

Сейчас, когда я пишу свой Post Scriptum, от начала работы над полным факсимильным изданием прошло четыре года — для выпуска в свет «Чукоккалы» срок небольшой, если судить по предыдущему рассказу.

А от начала подготовки первого издания альманаха — от 1965 года, с которого начинался мой рассказ, прошло уже более тридцати лет. Поэтому неудивительно моё желание и надежда завершить наконец эту работу.

Елена Чуковская

1 Статья написана вскоре после выхода первого издания альманаха в 1980 году и печатается без каких-либо последующих вставок. В двух-трех случаях под строкой приводятся документы, ставшие известными недавно и подтверждающие мои предположения. — Примеч. 1995 г.

2 См. с.11 издания Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского / Предисл. и пояснения К. Чуковского. – М.: Премьера, 1999.

3 В мае 1968 года А.Белинков с женой бежали за границу. Через некоторое время Н.А.Белинкова опубликовала в альманахе «Мосты» (1970, № 15, с. 318) статью под названием «Чуковский и его “Чукоккала”» Читая эту статью я с грустью убедилась, что за время своей работы с альманахом Н.А. его даже не прочла. Например в качестве чукоккальской записи она приводит чью-то остроту «Федин — это чучело орла». Но на страницах Чукоккалы этой остроты нет. Столь же недостоверны и произвольны и другие сведения, сообщаемые ею о Корнее Ивановиче и его альманахе

4 В настоящее время Гумилев полностью реабилитирован. Он был обвинен и расстрелян по сфабрикованным Аграновым обвинениям. Подробнее см.: Борис Краевский. «Дело Таганцева»: кем и как оно было сделано // Общая газета, 1995, № 49, с.12. — Примечание 1998 года.

5 Открытка к Н.П.Беленькому, б/д, 11.3.68 (по почт. штемпелю). Оригинал хранится у адресата, цитируется по фотокопии, любезно присланной мне владельцем в 1977 году.

6 Софья Анатольевна Николаевна — в те годы издательский редактор «Чукокалы».

7 Евгений Иванович Севастьянов — директор издательства «Искусство».

8 См.: В.Войнович. Иванькиада. Ann Arbor: Ardis. 1976, с. 107–112.

9 Роза Петровна Бачек — технический редактор «Чукоккалы».

10 Евгений Евгеньевич Смирнов — художник.

11 Инна Георгиевна Румянцева — художественный редактор «Чукоккалы».

12 Об этом времени Солженицын вспомнил впоследствии в своих «очерках литературной жизни» — «Бодался теленок с дубом», М.: Согласие, 1996, с. 125, 126 и др.

13 Тогда мне не было известно письмо председателя КГБ Ю.Андропова в ЦК КПСС от 14 ноября 1973 года (в письме идет речь о Лидии Чуковской): «В последние годы Чуковская изготовила и передала на Запад ряд клеветнических документов... Из оперативных источников известно, что Чуковская предложила проживать на даче в зимний период Солженицыну, который дал на это предварительное согласие. С учетом изложенного считаем целесообразным отказать Чуковской в создании музея в поселке Переделкино» (Цит. по статье Л.Лазарева. «Колесико и винтик» / Октябрь, 1993, № 8, с. 182). — Примеч. 1995 г.

14 Этот перечень цензурных запретов дан в сокращенном виде.

15 В это время Г.Сафаров, расстрелянный в 1942 году, еще не был реабилитирован, и его имя, очевидно, находилось в цензурных списках запрещенных имен.. О Г.Сафарове см. с. 283 издания Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского / Предисл. и пояснения К. Чуковского. – М.: Премьера, 1999.

16 Эта главка сильно сокращена мною. Здесь пространно цитировались страницы рукописного альманаха, которые Чуковский не мог включить в книгу, издаваемую в «Искусстве». Поскольку все эти записи есть в настоящем издании, нет нужды снова повторять их. — Примеч. 1995 г. Здесь я прерываю свой перечень. В конце 1960-х годов, когда Чуковский готовил к печати «Чукоккалу», не только произведения З.Гиппиус, В.Набокова, А.Амфитеатрова и других эмигрантов, но даже упоминание их имен без бранных эпитетов было запрещено Главлитом.